

Ирина
Шолохова

АНГЕЛЫ СПУСТИЛИСЬ С НЕБЕС

У главной героини Ирины складываются непростые отношения с одноклассниками. Они частенько издеваются над ней. Она пытается противостоять невзгодам и горестям этого маленького школьного мира. Андрей — самый популярный парень в классе — обращает на неё внимание. Это вызывает бурю обсуждений в классе и в школе. Он явно даёт Ирине понять, что она ему нравится. Ирина без ума влюбляется его, но у него уже есть подруга... Станет ли Ирина бороться за своё счастье? И куда приведет героев этот любовный треугольник?

Ирина Шолохова

АНГЕЛЫ СПУСТИЛИСЬ С НЕБЕС

Романтическая повесть

ГЛАВА 1

«Луч света в тёмном царстве»

Мы переехали в новенькую однокомнатную квартиру, в ней так чудесно пахло новизной и, вообще, казалось, что всё сейчас будет по-новому. Всё-всё будет замечательно. Я возвращаюсь из школы. Микрорайон новый, кругом горы строительного мусора, но это не уменьшает моего приподнятого настроения — всё будет по-новому, всё будет замечательно. Мне уже 15, я в жизни никому не признаюсь, что мне хочется дружить с парнем, ему должно быть 17, рост выше среднего, светловолосый и сероглазый. Я ясно вижу его перед собой. Знаю он где-то здесь, совсем рядом, но как же его найти. Где встретить?

Мне пятнадцать лет, я придирчиво рассматриваю себя в зеркало, по-моему, ничего: хорошенькая фигурка, стройные ножки. Мой небольшой рост — 1,55 м мне нравится, я чувствую себя Дюймовочкой. Девчонки из класса пристают ко мне: «Сходи в поликлинику, пусть тебе выпишут какие-нибудь витамины, может, подрастёшь».

Дался же им мой рост. Меня вполне устраивает. И вообще, я сама себе очень даже нравлюсь. Но, почему, почему, кроме меня самой, никто не видит моей привлекательности?

— 9 «В», в следующую субботу намечается новогодняя дискотека, она будет проводиться в спортзале с 5 до 11 вечера, приглашаются 9-11 классы, — официально объявила нам наша классная — Виктория Владимировна.

На перемене все стали собираться кучками и обсуждать предстоящую вечеринку.

— Валь, ты в чем пойдешь? — спросила я у своей подружки Вали Елизаровой.

— У меня такой бирюзовый сарафанчик из искусственной кожи, с водолазкой будет классно смотреться, — ответила она, — а ты в чём?

— Мне совершенно нечего надеть, — я театрально закатила глаза.

На самом деле, мне недавно сшили на заказ шикарное платье, и такого уж точно ни у кого не будет. Я буду самая потрясающая на этой дискотеке. Это точно, сто процентов.

— Ирина, ты идёшь на дискотеку? — Спросил меня Андрей Морозов, — самый популярный парень в нашем классе.

Андрей нас всех постарше, ему осенью будет уже семнадцать. Не знаю почему, но он пошёл в школу позже, чем обычно, или он болел, или у него

родители военнослужащие, точно не известно. Все девчонки из нашего класса, и не только из нашего, влюблены в него, ну, или почти все. Кто-то честно признаётся в этом, кто-то тайно влюблен, кому-то он просто нравится, я отношусь к последним. Слишком уж многим он нравится, что бы еще, и я в этом призналась.

— Ты идешь, значит, и я иду, — кокетливо прощепетала я.

Мое сердце громко ухнуло и упало куда-то вниз. Оно жило своей жизнью и знало всё про меня лучше, чем я сама. В голове хаотично запульсировало — я ему нравлюсь, или он это просто так сказал? Нет, точно нравлюсь, когда он это говорил, то так на меня посмотрел...

Да, Андрей — красивый парень, волосы черные, коротко подстриженные, глаза огромные карие, почему-то выражение его глаз как у маленького обиженного мальчика. Огромные печально-обиженные глаза, когда он моргает, кажется, что меня обдувает ветром, происходящим от хлопанья его ресниц. Такие глаза и занимается боксом, как-то не увязывается. Я точно ему нравлюсь! Прозвенел звонок, машинально, на ватных ногах, сажусь за парту, с трудом понимая происходящие вокруг события. Я сижу на среднем ряду, на второй парте, а он на первом ряду у двери, на первой парте. Изо всех сил стараюсь не смотреть

в его сторону. Абсолютно точно, он В МЕНЯ влюблен!

— Да что с тобой, Рыжова, ты словно окаменела? Бледная, как мел, взгляд блуждает, тебе плохо?

— Нет, мне хорошо, мне очень даже хорошо, — я еле-еле вернулась в действительность, оказывается, идет урок Русского и ко мне обращается наша русичка — Татьяна Васильевна.

От громового хохота наших ребят я пришла в себя уже окончательно.

— Ну, иди тогда к доске, Рыжова!

Вот это, совершенно, не входило в мои планы. Мне некогда было вчера учить уроки, я срочно дочитывала детектив, мне дали его ненадолго почитать. К тому же, меня спрашивали два дня назад, и я получила твёрдую тройку. Как стыдно! Какой позор! Я чувствую, как начинают полыхать уши. Не знаю, вообще, ничего, даже примерно. В голове идеальная чистота, абсолютно, не замутненная хотя бы малейшими крупинками информации. Абсолютный ноль! Скашиваю глаза в сторону Морозова, он смотрит совсем в другую сторону. Интересно, куда? Не успеваю понять, куда он смотрит. Снова начала донимать Татьяна. Странная она какая-то, уже окончила институт, солидная тётя, а одевается как будто молодая девушка: джинсики, курточки, каблучищи.

Послышались вялые подсказки от ребят.

— Ты будешь отвечать или нет? Последний раз тебя спрашиваю, Рыжова.

Какая у меня всё-таки противная фамилия — Рыжова. Вон у Таньки, какая красивая — Озерова. Везёт! Быстрее сказать, что ничего не знаю и конец позору.

— Я не знаю, Татьяна Васильевна, — робко шепчу я себе под нос.

— Садись, два, — металлическим голосом отчеканила русичка.

Наконец-то закончились мои мучения.

— Рыжова, Рыжова, — на перемене Андрей Тушаков взывал ко мне.

Я отзываюсь на фамилию только тогда, когда ко мне обращаются учителя. Если ко мне обращаются по фамилии парни — я не отвечаю. У меня редкой красоты имя, спасибо маме, что бы я откликнулась на фамилию.

— Рыжова — тупая, тупорылая двоечница, — не унимался Тушаков.

— Сам такой, — я-то знаю, что я не тупая, просто мне некогда учить уроки, много интересных книг, а я обожаю читать книги. Слезы закипели у меня на глазах. «Только бы не разреветься, только бы не разреветься», — заклинала я про себя, ну, и, конечно же, слезы хлынули градом из моих глаз. Я пулей выскочила из класса, чтобы никто не увидел

моих слез.

— Больше не пойду в эту школу, — я твердо объявила маме свое решение. Перейду в другую школу, мало их что-ли в нашем районе. Такой позор мне не перенести, на весь класс обозвали меня тупорылой. Это просто невозможно, пойти завтра снова в этот ужасный класс.

— Я тебе не пойду, — мама, конечно, не смогла понять моих душевных метаний. Завтра, как миленькая — «сумку в зубы» и на уроки.

Что же делать, я человек подневольный, на следующее утро — «сумку в зубы» и, как миленькая, с тяжелым сердцем, пошла в школу.

— Луч света в темном царстве, — заунывным голосом затянул Сашка Старовой, увидев меня.

Все в классе одобрительно загудели. Опять начинается, кончится это когда-нибудь или нет? Так и будут надо мной издеваться, то один, то другой? Надоело уже.

— Сашка, ну ты что к ней прикопался, я «затылком увидела» Андрея Морозова, ещё говорят, что у человека на затылке глаз нет — есть. Я чётко увидела выражение его грустно-печально-обиженных глаз. Сердце опять громыхнуло и забилося часто-часто. Старовой сразу сник, все наши парни из класса побаивались Морозова — он боксёр, влепить может хорошо.

— Ну, так ты идешь на дискач или нет? —

Этот вопрос Андрей задал с таким значением, что моё сердце опять громко забухало: бух-бух-бух. Я опасалась, что весь класс услышит, как грохочет моё сердце.

— Конечно, — я взяла себя «в руки», — а ты?

— Да. Иду, — просто ответил Андрей и отошел в сторону. Только сейчас я заметила, что весь класс замер и наблюдает за происходящим. Я, как ни в чем не бывало, села на свое место, стала доставать книги, тетради, ручку.

— Я что-то не поняла, это что в нашем классе зарождается новое прекрасное чувство под названием любовь? — Слова Маринки Титовой, нашей старосты класса, заставили меня напрячься.

— Да, а тебе-то, что, — буркнула я в ответ.

— Да ничего, просто интересно.

— Ну, так, что, Андрей, зарождается прекрасное чувство под названием любовь, или это так просто?

Я скосила глаза в сторону Андрея. Он молчал и делал вид, что не слышит вопроса. Прозвенел звонок, Вошла наша учительница по химии — Тамара Александровна. Вопрос Маринки остался открытым. Всё продолжалось своим чередом. Я еле дождалась окончания занятий. Вышла из школы с тайной надеждой, что Андрей ждёт меня, что бы проводить до дома. Но нет, его не было. Я недолго постояла на крыльце и уныло побрела домой. Через

некоторое время, я услышала за собой торопливые шаги, внутри меня всё сладко замерло: это он! Но я не оборачиваюсь, как будто не слышу. Шаги сравнялись со мной — Валентина Елизарова — моя подружка.

— Что меня не подождала, вместе пошли бы, — начала разговор Валя.

— Я думала, ты уже ушла.

Не буду же я ей говорить, что надеялась на то, что Андрей пойдет меня провожать. Хотя Валентина и подруга, но это моя сокровенная тайна и я не хочу её никому доверять. По виду Валентины, я поняла, что она хочет поговорить на ту же тему, что и Титова на уроке химии. Я срочно начала переводить разговор на другую тему:

— Ты не знаешь, из наших ребят, все идут на дискотеку или нет?

— Точно не знаю, но, по-моему, все или почти все.

— Ты, что влюбилась? — Напрямую спросила меня Валентина, — он тебе, нравится что ли?

Такого поворота я не ожидала. Я никогда никому не признаюсь в своих чувствах, даже под пытками.

— Все в классе только и обсуждают эту тему, по тебе сразу всё видно, ты хотя бы как-то скрывала, если не хочешь, чтобы все знали...

Я молчу как рыба, внутри меня всё дрожит,

волнуется, как будто на воде мелкая рябь идёт. Я думала, что он мне просто нравится, как и всем, а может быть, я и вправду влюбилась? В голове бестолково и лихорадочно толкутся мысли. Что ответить — не знаю. Сказать нет — наверное, не поверит, признаться — я и сама толком ничего не понимаю.

— Да-а-а, о-о-очень, — протянула я, ничего лучше не придумав. Получалось так, как будто я с насмешкой отнеслась к этому, и пусть все думают, как хотят и что хотят. Мне самой мой ответ очень понравился, уж никак от себя такого не ожидала. Мысленно похвалила себя: «Молодец, Ирина, умница, замечательно ответила, можешь ведь если надо, всегда бы так».

— Ну как хочешь, не хочешь — не отвечай, я же с тобой по-дружески, а ты... — Валька с обидой поджала нижнюю губу, я уже знаю, когда она обижается, то всегда поджимает нижнюю губу. Это уже у нас все в классе знают, а она знает, что все знают, но ничего не может поделать — поджимает губу и всё тут.

— Пока, — буркнула недовольно Валентина и резко повернула от меня в противоположную сторону.

— Пока, — я отвернулась от неё и показала рожу, ну понятно, так, чтобы она не увидела. А то обидится, и я потеряю подругу, а у меня их и так

мало. К тому же я не совсем популярная в классе, а если, честно, то совсем не популярная, себе-то я могу в этом признаться.

Я примчалась домой и, не раздеваясь, бегом к компу, набираю в поисковике: «Первая любовь?». Компьютер захлебнулся от обилия информации, заторопился и выплюнул мне горы всего по этой теме — разбирайся, не жалко. Такое впечатление, что не только меня эта тема интересует, а, вообще, абсолютно всех. Ну вот, скажите, пожалуйста, когда учить уроки, абсолютно, катастрофически не хватает времени, и как хорошо учиться, если тебя учеба вообще «не греет», много другого интересного в жизни? Перешерстив первые три страницы поисковика, и капитально утомившись, я окончательно уверилась — да, влюблена! И мне стало даже как-то легче, всё стало на свои места, только вот не знаю, что делать, завлекать Андрея? Если да, то как, во-первых, а во-вторых, тут-то уж точно все-всё поймут. Ладно, там видно будет, на месте разберемся, — сделала я умозаключение.

Хлопнули дверцы лифта, каблучки: «Цок-цок-цок». Мама пришла с работы.

— Привет, мой золотой, привет, мой котенок!

— Приветки, приветки, мам!

— Как дела в школе, какие оценки?

— Нормально.

Я благоразумно умолчала про полученную

пару. Не хочу огорчать мою любимую мамочку, я её так люблю, просто обожаю, она такая красивая, несмотря на то, что ей уже к 40. На матерей других ребят смотрю — так себе, тётки какие-то, а моя — красotka. Я внимательно присмотрелась к маме — дочь влюбилась, а она ничего и не заметила, странно-странно, даже никаких намеков, что что-то произошло новенькое. Ну и ладно, нашим легче.

— Котёшка, представляешь, к нам на работу новенький мужик устроился, всю себе голову свернул, пялился в мою сторону.

— Ты ему, что понравилась?

— Похоже, на то.

— А он тебе как? Красивый, высокий, понравился?

— Ну, уж, не особенно красивый, ну нормальный такой, на первый взгляд. Ничего так, приятный мужик.

Я потихоньку вздохнула, но ничего не сказала, похоже, что у мамы начинаются какие-то «мутки», если у неё «закрутится» с этим мужиком, то опять её домой не дождешься.

— Ребенок, ты что ревнуешь? — Рассмеялась мама, рано-рано, ничего еще нет и в помине, а ты уже ревнуешь.

— Я люблю тебя, мамочка!

— А я-то тебя как люблю. Сильно-пресильно!

— В Субботу у нас дискотека в школе. Ты мне

поможешь сделать причёску?

— Помогу, конечно. Самое главное — меру соблюдай, когда будешь подкрашиваться, а то намалюетесь и становитесь похожими на 30-летних. Чуть-чуть добавить яркости лицу и порядок.

На следующее утро, как только я зашла в класс, сразу восстановилось гробовое молчание, видимо обсуждали мою персону. Сквозь опущенные ресницы, я метнула взгляд в сторону Андрея — пусто, поэтому и обсуждали, что ни его, ни меня не было.

— Луч света в темном царстве, — торжественно продекламировал Старовой.

— Ты о ком это, Александр? — Ехидным голосом спросил Вовка Петров, разве среди нас есть такие люди?

— Как же, как же, конечно есть, да ещё какие! Не то, что мы Инфузории — туфельки.

— И о ком это ты, Саша, открой тайну?

— Так уж и быть, открою, об Ирочке нашей Рыжовой, о ком же ещё.

Остальные в классе молчали, ждали, что произойдет дальше, как в театре — дальнейшее развитие событий.

— Ты бы Старовой, что-нибудь новенькое придумал, — я решила не давать себя в обиду. Создается впечатление, что кроме луча света в тёмном царстве, у тебя в голове ничего больше нет

— сплошные потёмки.

Класс захлебнулся от смеха:

— Ловко ты его сделала.

Не знаю, кто это сказал. Не поняла. Я торжествовала (но виду не подавала) — не всё надо мной издеваться. Наступил и на моей улице праздник.

Сашка, стоял красный и вспотевший. Было видно, что он чувствует себя проигравшим в этой словесной перепалке.

— Что у вас тут происходит? Какой-то напряг чувствуется.

Я и не заметила, когда появился Андрей.

— Старовой, в очередной раз пытался выяснить, кто у нас Инфузория-туфелька, а кто луч света, — вставил Петров своё словечко.

— Санёк, тебе не надоело? — Поморщился Андрей.

— Вот Ирина его и «умыла», — у тебя, — говорит, — в голове сумерки, и надо бы лучом света их просветить, — продолжал Вовка.

Ну, надо же, как можно перевернуть мои слова. Я лишилась дара речи.

Класс стонал от смеха.

— Весело тут у вас, — констатировал Андрей и прошел на свое место.

На уроке я, не поворачивая головы, в его сторону, скашивая взгляд, украдкой рассматривала

Андрея. До чего он красивый: ровный лоб, брови, слегка сросшиеся на переносице, прямой тонкий нос, а глаза... «Люблю — не могу, люблю — не могу, люблю — не могу», — стучало у меня в висках. Передо мной на парту упала записка, от кого это? «Прекрати пялиться на Андрея. Все уже видят. Держи себя в руках. Валя». Ну как это возможно, я и головы не поворачивала, а все заметили. Что у нас за класс такой — сплошные Шерлоки Холмсы. Прозвенел долгожданный звонок.

— Девчонки, кто в буфет? Пошли со мной, — позвала Света Пруткова.

— Я тоже, — подскочила я к ней, — можно с тобой?

— Ну, уж нет, только не с тобой, — надменно ответила она.

Нравится же кому-то издеваться над другими. И почему-то этим другим всегда оказываюсь я. Светка была влюблена в Морозова, как кошка, все это знали, какая-то она толстая, как будто ей не пятнадцать лет, а двадцать пять, а то и больше, хотя старается одеваться очень модно, и, видимо, считает себя красоткой.

— Не очень-то и хотелось, обойдусь и без тебя.

— Вот и обходись.

«Наверное, ревнует», — подумала я. И

счастливо рассмеялась (про себя, конечно).

В буфете народу как на железнодорожном вокзале и, если закрыть глаза, то гул от голосов примерно такой же, только не хватает стука колес: тук-тук-тук-тук. Огромнейшая очередь за всякими булочками, пирожным и разным другим. Я встала в конец очереди. Вдруг раздался громкий плач. Плакал маленький мальчик, наверное, третьеклассник, или, примерно, такого возраста. У него вся голова в крови, а около него стоят две девчонки из 10 класса и орут на него, не понятно за что. Все уставились — что происходит? А мальчишка всё плакал и плакал, я не могла этого вытерпеть и подошла к нему.

— Что с тобой? У тебя голова разбита? Что вы на него орёте! — Набросилась я на девчонок, — вместо того, чтобы помочь.

— Нет, — сквозь рыдания, произнес мальчишка, — это сок.

— Какой-такой сок, — я не поняла.

— Она вылила мне томатный сок на голову, — махнул мальчишка на одну из девчонок.

— Ты что делаешь? — Повернулась я к той, на которую указал мальчик.

— Не твое собачье дело, — дерзко ответила та. — Будешь твякать, я тебе вообще башку расшибу.

— Дура! — Так же резко ответила я, — легко

издеваться над тем, кто не может тебе сдать сдачу. Ты бы еще с грудным младенцем начала бы разборки!

— Кто дура? — Она агрессивно двинулась на меня. Сейчас схлопочешь!

Она выше меня на голову, но я не испугалась — я же в школе.

— Дура и есть! — Упрямо повторила я и посмотрела вокруг, ища поддержки. Но её ни от кого не было. Все, молча, наблюдали за происходящим.

— Пойдём, — я взяла мальчика за руку, — я помогу тебе смыть этот сок с головы.

Мальчишка послушно пошел за мной, всё так же безутешно рыдая.

Я смыла ему сок с головы, как смогла, утешила его. Мальчишка повеселел. Я специально не стала расспрашивать его, что произошло. Потому, что он только — только успокоился. А если начать у него допытываться, то снова разревётся. Человеку плохо, я попыталась ему помочь, вот и всё. Да я и сама успокоилась, пока смывала сок с головы паренька.

— Пойдем! Провожу тебя до класса, — предложила я ему.

— Ага, — согласился паренёк. Он, видимо, побаивался этих девчонок.

Я проводила его до класса, надеясь, что ещё

успею в буфет — жевнуть чего-нибудь. Сильно-сильно хотелось есть. Но не успела. Прозвенел звонок.

Следующий урок у нас был урок физики. Физик у нас — Владимир Петрович, только что после института. Он всё время подшучивал, юморил. Ребятам он очень нравился. Я сидела на уроке «не жива-не мертва» — у меня громко урчало в желудке, и я переживала, что все это услышат. Так и оказалось. Физик услышал это и не упустил момента пошутить.

— Это что за музыкальный инструмент такой? Что это за фуги исполняются? И кто исполнитель?

Все покатывались со смеху. Я молчала, как рыба, стараясь, что бы никто, не догадался, что это мой организм издает такие ужасные звуки, и я ничего не могу с этим поделать.

— Это Рыжова исполняет, — закатился хохотом Серёга Комаров, — он неплохой безобидный паренёк, но уж очень смешливый, всегда покатывается со смеху. И на него никто никогда не обижается, потому, что у него это получается по-доброму, безобидно.

— Она сегодня в перемену, мальчишку спасала от взрослых девок, вот и не успела, наверное, в буфет, — сквозь смех, продолжил Серёга.

— Как это? — Удивился Владимир

Петрович. — Расскажите-ка поподробнее.

Ребята, наперебой, сбивчиво, кое-как объяснили, что произошло.

— Молодец, Ирина! — Владимир Петрович сделал торжественное лицо. — Раньше это называли бы: «Поступок настоящего комсомольца», но сейчас комсомольцев нет, значит это «Поступок просто хорошего человека».

Все хохотали. Я не знала как себя вести, вроде бы и хвалят меня и в тоже время подтрунивают. К моему счастью, Владимир Петрович решил закончить с шуточками и заняться физикой.

— Ну, всё, ребята, пошутили, отдохнули и будя! — Он любит всякие такие словечки вставлять. — Давайте начнем грызть гранит науки.

Ребята мало-помалу успокоились и начали заниматься. После школы, мы, как всегда, пошли домой вместе с Валею.

— Эй ты! Ну-ка, иди сюда! — Требовательно скомандовал девичий голос. Я, вообще, не обратила никакого внимания, Валя тоже.

— Иди сюда! Кому говорят!

Я взглянула. Оказывается, это говорила та девчонка, которая обещала мне «проломить башку». Их стояло в сторонке четыре девчонки, одна выше другой. Я почувствовала себя какой-то букашечкой. И не на шутку струхнула.

— Тебе надо — ты и иди! — Я не подала

виду, что испугалась.

— Не хочешь по-хорошему, сами подойдем, — они с угрозой двинулись к нам. Мы с Валею переглянулись. Она, похоже, тоже испугалась.

— А ты вали отсюда, — резко приказала одна из них Валентине.

— Не собираюсь! — Ответила Валя, — молодец, не оставила меня одну без поддержки.

— Значит, и тебе наваяем. Будешь знать, как соваться не в свои дела.

Та, которая обидела мальчишку, видимо у них главная, а остальные идут у неё на поводу. Она подошла ко мне и резко пихнула, я не ожидала этого, и упала, больно ударившись. Но тут, же быстро вскочила, так как слышала где-то, что лежащий человек становится беззащитным.

— Ты, что делаешь! — Вскричала Валя. — Немедленно прекрати!

— Что, тоже захотела получить? Но на Валею набрасываться не стала, видимо, у неё вся злоба накопилась на меня.

Она снова толкнула меня. На этот раз я устояла на ногах, потому, что уже была готова к этому. Какая-то психическая, выше меня на голову, и здоровее по массе, набрасывается на меня, у ней еще трое в помощниках. Так и изуродовать могут. Потом останусь уродиной на всю оставшуюся

жизнь. Я в ответ тоже начала её толкать. Валя поспешила ко мне на помощь. Но наши силы были не равны. К ней присоединились её подруги, они вцепились нам в волосы и, казалось, хотели снять с нас скальпы. Били нас кулаками в спину, по рукам.

— Это что такое происходит? Ой, как не хорошо драться, а ещё девушки. Немедленно прекратите! — Раздались голоса прохожих.

— Сейчас в полицию позвоним.

Девчонки отступили от нас, только «заводила», пригрозила мне:

— Ещё раз обзовешь меня, я тебе кислотой в лицо плесну! И они пошли от нас прочь.

Ну не сумасшедшая ли! Мы с Валею тоже пошли.

— Пойдем, зайдем ко мне, — предложила Валя, — посмотрим, есть у нас какие-то раны или нет, умоемся.

— А у тебя никого нет дома, Валь?

— Нет никого.

— Тогда пошли.

— Итак, что мы имеем? — Я посмотрела на себя в Валино зеркало. Приличные синяки у меня на руках, синяки и ссадины на других местах. У Вали — аналогично.

— Хорошо, что прохожие подросли, а то неизвестно, чем бы это могло закончиться, — сказала я Вале.

— Ага, — согласилась она.

— Спасибо тебе, Валь, что меня одну не бросила на растерзание этим уродкам.

— Любой нормальный человек на моём месте поступил бы также, — скромно ответила Валя.

— Что будем делать? — Спросила я. — Родителям жаловаться или Виктории Владимировне сказать?

— Не знаю, может, пока ничего не предпринимать, а там видно будет? — Засомневалась Валентина.

— А чего ждатель? Когда они нас изуродуют?

Так мы с Валею ничего и не решили. Вопрос остался открытым. Я пришла домой натянула пижаму с длинными брюками и с длинными рукавами, что бы мама ничего не заметила. Мне не хотелось, что бы она переживала. Прозвенел звонок в дверь.

— Кто? — Спросила я.

— Ириша, это я. Я ключи забыла, открой, пожалуйста, — прозвучал мамин голос.

Я открыла. Мама пришла вся взволнованная:

— Представляешь, я иду, сегодня с работы, слышу, кто-то бибикает, смотрю: Николай за рулем, мне рукой машет, типа — подожди, разговор есть.

— Что за Николай?

— Ну, тот, новенький, который с меня глаз не сводил.

— А, понятно, ну и что дальше?

— Ну вот, я остановилась, он вышел и говорит: «Ты домой? Может тебя подбросить?» — Я ему: «Я не возражаю. С удовольствием доеду до дома на машине». Ну, сели, поехали. Он потом говорит:

«Может, в кафешку зайдём — есть хочется, что-нибудь съедим?» Я не отказалась. Зашли в кафе, так хорошо посидели. Он всё время пытался шутить, развлекал меня. Что-то он мне так понравился... Похоже, что у нас с ним роман намечается.

— А, что у него за машина?

— Да так себе, какая-то старенькая иномарка. Какая разница, главное, что он сам мне понравился и я ему, похоже, тоже.

— Здорово, — вздохнула я, — а про себя подумала: «Я так и знала, что у мамы с этим новеньким «закрутятся» отношения».

— Не вздыхай глубоко, не отдадим далеко, — пошутила мама, — все её мысли были там — около Николая.

На следующее утро, мы шли с Вале́й в школу и обсуждали, что же нам делать, если эти ненормальные вновь начнут нас преследовать.

— Давай попробуем, другой дорогой из школы ходить, в обход, может, они потом успокоятся и забудут про нас, — предложила я

Вале.

— В принципе, можно, — ответила Валентина. — Вопрос в том, сколько времени нам придется ходить в обход?

— Думаю, не меньше месяца.

— А вдруг они нас выследят? Что тогда будем делать? — Обеспокоилась Валентина.

— Надо, пока, осторожнее быть, внимательно смотреть — подкарауливают они нас или нет, а если караулят — бегом возвращаться в школу, пока они нас «не укатали».

— Хорошо, — согласилась Валя, пока так, — а там видно будет. Если, всё-таки начнут и дальше нас преследовать, я родителям скажу. Они этого так просто не оставят.

— На том и порешили, — подтвердила я Валины слова.

ГЛАВА 2

Новогодняя дискотека

Наконец-то наступила долгожданная суббота. Уже с самого утра я начала готовиться к дискотеке.

— Мам, помоги мне, пожалуйста, сделать прическу.

— Ладно, уж, куда ты без меня. Не рановато-то ли? Ещё только одиннадцатый час утра, а ты уже начала собираться.

— В самый раз, а вдруг что-то надо будет переделать, прическу или еще что-то.

— Такими темпами ты к вечеру, от этих сборов, будешь еле живая, точно тебе говорю. Все силы уйдут на сборы, а веселиться уже не сможешь.

— Что тогда делать?

— Отдохни пока, а часика в три начнём собирать тебя.

— Ты что, с ума сошла, я за полтора часа никак не соберусь.

— Ну, хорошо — хорошо, в два начнём.

И всё-таки я начала собираться не в два, а в час, больше не могла ждать, сидела «как на иголках». Три раза переделывали с мамой мою прическу, мне не нравилось, несколько раз я смывала макияж и заново подкрашивалась. Еле-еле успела вовремя. Смотрю на себя в зеркало — красота невероятная (сама себе понравилась).

— Какая ты у меня хорошенькая, как бутончик у Розы — свеженький, молоденький, вот-вот готовый распуститься и превратиться в прелестный цветок.

Я позвонила Вале:

— Валь, давай я за тобой зайду, и вместе пойдём на дискотеку.

— Ладно, заходи.

Всё-таки Валентина — мировая девчонка, ничего не скажешь, не то, что некоторые, которым

только и нужно обидеть или, как можно сильнее, унижить человека. Я шла к Вале и мне, казалось, что я самая красивая не только в своём классе, но и, вообще, на всей планете Земля. Я позвонила в дверь Вали, долго — долго не открывали, потом из-за двери послышалось, что кто-то подбежал и дверь распахнулась. Я остолбенела, Валентина была такая красивая, что я подумала: «Нет-нет, я не самая красивая на планете Земля — нас двое, и, как хорошо, что вторая такая красивая девушка именно моя подруга, а не какая-то другая девчонка».

— Ты молодец, — сказала Валентина, — вовремя, а я еще не успела собраться.

— Как не успела, ты же вся готовенькая?

— Туфли не могу найти, купили мне новые, они куда-то подевались.

— А как ты без них пойдешь? — У меня мелькнула робкая надежда, что Валя не найдёт туфли и не пойдёт на дискотеку, и тогда я всё-таки буду самая красивая.

— У меня всё семейство ищет, может, ты тоже поможешь?

— Ты что, я же всё изомну, вспотею. Нет, нет и ещё раз нет! — Я поняла, что Валя тоже хочет быть самая — самая красивая.

— Дочь, — донёсся голос Валиной мамы, — я нашла, они в твоём комодке лежат в верхнем ящике на самом видном месте, не знаю, как ты смотрела.

— Ура! — Валя схватила коробку с туфлями, и мы пошли.

В школе полная раздевалка народа, шум, гам, толкотня, Кое-как мы с Валею разделись, прихорошились и торжественно направились в спортзал. Дискотека уже в самом разгаре — грохочет светомузыка, полутьма, все танцуют. Я обеспокоилась, что темно и никто не увидит нашу красоту.

— Как ты думаешь, — спросила я у Вали, — тут всё время светомузыка будет, или всё-таки когда-нибудь включают свет?

— Не знаю, я первый раз на дискотеке, — ответила она, — а ты?

— А я уже много раз была, — соврала я, не знаю, для чего я это сделала, но отступать уже поздно, придётся врать дальше. — На других дискотеках включали свет, — я постаралась, чтобы мой голос звучал убедительно.

— Хорошо бы было, если бы свет включали ненадолго, — Вале, видимо, тоже хотелось поразить всех своей красотой.

— Давай найдём наших, и тоже будем танцевать, а то стоим тут в дверях, как две дурочки.

— Давай, — согласилась Валька.

Мы нашли своих одноклассников, они танцевали кучкой и радостно приветствовали нас. Я даже удивилась, что нас встретили как родных, без

издёвок. Как-то странно и не привычно. Я быстренько просканировала ситуацию — Андрея не было. Мы танцевали и танцевали без перерыва. Я беспокоилась, что никто так и не увидит мою красоту в этой темноте. «Могла бы, вообще, надеть джинсы и всё, всё равно, толком ничего не видно, стоило так разряжаться», — уныло думала я, но, понятно, виду не подавала, делала жутко весёлое и счастливое лицо. К тому же ещё и Андрея нет, а я тайно надеялась, что на дискотеке всё и прояснится в наших отношениях. Вдруг музыка резко оборвалась, и включили свет. Я зажмурилась, от неожиданности. А, когда, через секунду, открыла глаза — не поверила своим глазам: девчонки — одна лучше другой и у каждой такое выражение лица, как будто она самая красивая не то, что на планете Земля, но и, вообще, во всей Вселенной. А я-то думала, что мы с Валею самые — самые. Мы, молча, переглянулись и без слов поняли друг друга.

— Какие все девчонки красивые, — кое-как выдавила я из себя, — изо всех сил стараясь не показать своего разочарования, делая улыбку «до ушей», как будто бы мне это очень — очень приятно.

— Да, — кисло протянула Валентина, в ее глазах просматривалось уныние, и она пыталась с ним справиться. Я поняла это по выражению её лица и глаз.

Выступила директор школы, она говорила какие-то хорошие слова. Конечно, её никто не слушал, и если бы попросили повторить то, что она сказала, думаю, что этого не смог бы сделать ни один человек во всём спортзале. Наконец-то она закончила, свет погас и дискотека продолжалась. Мы неистово танцевали, так, как будто мы уже никогда в жизни больше ни на одной дискотеке не будем танцевать. Я продолжала изображать безумное удовольствие, а про себя, конкретно, беспокоилась, что от такого бешеного ритма, у меня вся прическа съедет набок, макияж весь размажется, ещё и каблук сломается. Вдруг вновь резко оборвалась музыка, включили свет.

— Дорогие ребята, общешкольная дискотека закончилась, теперь можете разойтись по своим классам и продолжать веселиться со своими одноклассниками. Надеюсь, что всем очень понравилась наша дискотека, и всем было очень — очень весело!

Слова нашего завуча потонули в радостном гуле ребят.

— Тишина! — Требовательно продолжала она, — всем ребятам спасибо, мы видели, как всем было весело! Думаю, что это будет наша традиция — проводить общешкольные дискотеки. Всем спасибо! Все расходятся по своим классам. Молодцы! Зал опять загудел. И все бросились к

выходу так, как будто, если кто-то не успеет выскочить, его заставят тут танцевать всю оставшуюся жизнь. Волна из ребят подхватила нас с Валею и потащила за собой. Мы судорожно цеплялись друг за друга. Теперь главное было, каким-то образом, выскочить из этого водоворота у своего класса. С первой попытки у нас с Валею это не получилось. Нас несколько раз закидывало то в один класс, то в другой, но не туда, куда нам было надо. Наконец, толпа рассеялась, основная масса ребят добралась до своих классов. Мы с Валею, облегченно вздохнув, не сговариваясь, побежали в фойе, к зеркалу — привести себя в порядок. Из зеркала на меня взглянула потная, покрасневшая девчонка, с размазанной краской вокруг глаз, с нахально вылезшими бретельками из-под платья. Прическа вся растрепалась. От мисс планета Земля, практически, не осталось и следа. Я взглянула на Валу. Видимо, её тоже не удовлетворило, как она выглядит, судя по унылому выражению её лица. Насколько смогли, мы попытались привести себя, более- менее, в порядок и пошли в класс. Нас бурно приветствовали (удивительное — рядом).

— Привет! Вы куда запропастились, все наши уже здесь, только вас нет! — Послышалось с разных сторон. Я чуть не заплакала от умиления (шутка).

Кто-то из парней притащил из дома свой

музон. На сдвинутых в сторонку партах, стояла газировка, конфеты, апельсины и всякое другое вкусенькое.

— Валь, пошли, попьем чего-нибудь, — предложила я Вале.

— Ага, — согласилась Валентина.

Мы ринулись к сдвинутым партам. В это время, парни включили медляк и приглушили свет. Музыка была изумительная. Только я поднесла стакан с водой ко рту, как почувствовала, как кто-то тихонько притронулся к моей талии:

— Пойдем, потанцуем, — кто-то шепнул мне на ухо.

Я обернулась — Андрей!

— Откуда ты здесь? Тебя же не было в спортзале, — я ляпнула единственное, что мне пришло в голову.

— Не люблю я эти общественные скачки, — также тихо проговорил Андрей и повел меня в круг танцующих, придерживая за талию.

Андрей близко — близко прижал меня к себе, нагнул голову и своей щекой прижался к моей. Моё сердце превратилось в птичку, она трепетала крылышками, билась, пытаюсь выпорхнуть из своей клетки. Всё поплыло перед глазами: ребята, стены класса, блики от светомузыки.

— Ты сегодня такая красивая — просто мисс Мира (мысли он мои прочитал?). Очаровательная

малышка.

Я почувствовала его нежные поцелуи у себя на шее, за ухом... Мне надо было, наверное, как-то резко оборвать его, может быть, дать пощечину, воскликнуть: «Что же это такое! Да как ты посмел! И т. д.». Но, я не могла этого сделать — это было не в моей власти. Единственно, чего мне хотелось — чтобы этот танец не закончился бы никогда-никогда, ну, или хотя бы, продолжался часа два. Мне было безразлично: что подумают ребята, увидели они или нет, что меня целовал Андрей, как выглядит моё поведение со стороны, абсолютно, всё равно.

— Маленькая, хрупкая девочка, — продолжал мне нашёптывать всякие нежные слова Андрей.

Ну вот, музыка и прекратилась. Андрей галантно проводил меня до парт со всякими вкусняшками:

— Ты же хотела пить, — а я тебя утащил танцевать.

— Да, ужасно хочу пить, — пробормотала я. — На самом деле, я уже не хотела пить. Просто мне надо было прийти в себя, привести свои мысли в порядок и разобраться в том, что произошло.

Андрей отошел. Я поднесла стакан к губам и начала пить малюсенькими глотками (пыталась выиграть время). Сквозь полуопущенные ресницы, быстренько оценивала ситуацию. Оказывается, до